

ДВЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮЖНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ И СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В КРАЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА*

Александр Дондопович ЦЫБИКТАРОВ, кандидат исторических наук, доцент Бурятского государственного университета г. Улан-Удэ.

Южное Забайкалье в природном отношении представляет собой контактную зону двух крупных физико-географических областей — Центральной Азии и восточносибирской тайги. Естественными рубежами, отделяющими Центральную Азию от лесов Восточной Сибири и степной полосы Западной Сибири, являются хребты пояса гор Южной Сибири. Они протянулись от Алтая до верховий Амура. Однако реки бассейна Северного Ледовитого и Тихого океанов, берущие начало в глубинных районах Центральной Азии, в горах Хангая, Прихубсугуля и Хэнтэя, прорезают их и образуют своеобразные «коридоры» в поясе гор Южной Сибири. Таким образом, по широким долинам Селенги, Онона и Аргуни с их притоками центральноазиатские ландшафты проникают далеко на север в таежные области Восточной Сибири почти до Байкала и верховий Амура.

На территории Монголии между Хангаем и Хэнтэем расположена средневысотная горная страна, орошаемая крупнейшими реками Монголии — Селенгой и Орхоном с их многочисленными притоками. Она характеризуется преобладанием рельефа гор со средней абсолютной высотой 1500—2000 м и наличием широких межгорных долин, лежащих на высоте 800—1200 м. Эта среднегорная страна по широкой долине Селенги и Чикоя постепенно переходит на территорию Западного Забайкалья, которая в географической литературе известна под названием Селенгинского среднегорья (Мурзаев, 1952. С. 352). Для рельефа Селенгинского среднегорья характерно наличие обширных и сравнительно глубоких межгорных понижений-впадин забайкальского типа. Они чередуются с однообразными плосковершинными хребтами высотой до 1300—1800 м. Днища впадин лежат на высоте 550—850 м (Прибайкалье и Забайкалье, 1965. С. 366; Преображенский и др., 1959. С. 10). Поверхность понижений представляет собой пролювиальные равнины, переходящие ближе к хребтам в сложенные холмисто-увалистые предгорные возвышенности. Центральные части впадин заняты низкими речными террасами. Местами в них лежат немногочисленные озера, иногда соленые (Предбайкалье и Забайкалье, 1965

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 00-01-00365а) и в рамках экспедиционного проекта, представленного в ФЦП «Интеграция».

С. 71, 160, 366; Преображенский и др., 1959. С. 29,31). С запада, севера и востока Селенгинское среднегорье окаймлено высокими хребтами Хамар-Дабана, Улан-Бургасы, гор Прибайкалья, Станового и Хэнтэй-Чикойского нагорья.

Рельеф южной части Восточного Забайкалья, как и в Западном Забайкалье, очень тесно связан с рельефом соседней Монголии. Равнины Восточной Монголии, протянувшиеся до хребтов Большого Хингана, на крайнем северо-востоке заходят на территорию Восточного Забайкалья, где известны под названием Улдза-Торейской равнины и Ононской впадины. Равнины по обе стороны границы отличаются отсутствием горных хребтов или даже значительных поднятий, превышающих 2000 м абсолютной высоты. При этом плоские равнины встречаются только на крайнем востоке, а на остальной части рельеф чаще складывается из перемежающихся гряд, котловин, холмов, плоских впадин забайкальского типа. На дне их встречаются солончаки и мелкие озера. На их фоне иногда выделяются возвышающиеся разрушенные гранитные массивы. По абсолютной высоте равнины подняты над уровнем моря от 500 до 1760 м. Средние высоты колеблются от 500 до 1100 м. На крайнем востоке равнины постепенно переходят в пологие предгорья Хингана. (Мурзаев, 1952, С. 115—116; Предбайкалье и Забайкалье, 1965. С. 375—376; Типы местности ... Читинской области, 1961. С. 7).

Итак, среднегорья Центральной Монголии и равнины Восточной Монголии двумя большими языками по долинам Селенги, Онона и Аргуни вклиниваются далеко на север в глубь территории Забайкалья примерно до 52° с.ш. На территории Забайкалья они разделяются Хэнтэй-Чикойским нагорьем, большая часть которого располагается на территории Монголии, и серией хребтов, протянувшихся в сторону Станового нагорья (Малханским, Яблоновым, Черским, Становик-Даурским). Таким образом, Селенгинское среднегорье Западного Забайкалья, Улдза-Торейская равнина и Верхнеамурское среднегорье Восточного Забайкалья являются естественным продолжением среднегорий и равнин Северной и Восточной Монголии.

По ландшафту речные долины Северной Монголии и южной части Западного Забайкалья всегда степные, а у гор, их окаймляющих, северные и северо-западные склоны поросли лесом, а южные и юго-восточные — степной растительностью. В межгорных понижениях Селенгинского среднегорья с сухим и жарким климатом связано широкое распространение сухих мелкодерновинных степей на каштановых почвах, злаковых и злаково-разнотравных степей на выщелоченных черноземах. По долине Селенги горные сухие степи проникают на север до широты г. Улан-Удэ — пос. Хоринск в Западном Забайкалье и Баргузинской долины в Прибайкалье примерно на 55° с.ш. (Преображенский и др., 1959. С. 37, 50, 173—177; Прибайкалье и Забайкалье, 1965, С. 328), а в долине р. Джиды и у Гусиного озера на 51° с.ш. имеются фрагменты пустынных и опустыненных степей (Решиков, 1961. С. 105—106). Степной пояс поднимается на высоту до 900—1000 м, сменяясь лесостепью на высоте от 900—1000 до 1200 м.

Равнины Восточной Монголии отличаются относительным однообразием устройства поверхности, почв и растительности. По сравнению с Хангаем и Хэнтэем они бедны водами. Ландшафты характеризуются преобладанием ковыльно-злаковых и злаково-полюнных степей. Лесов почти нет (Мурзаев, 1952. С. 391—408). На северо-востоке по долинам Онона и Аргуни они заходят на территорию Восточного Забайкалья и постепенно сменяются лесостепями Верхнеамурского среднегорья, которые по долинам рек Шилки, Балея и Онона вклиниваются в таежную зону (Прибайкалье и Забайкалье, 1965. С. 258, 372—377; Типы местности ... Читинской области, 1961. С. 41).

В целом по составу растительности степи Западного Забайкалья являются частью оригинальной и самобытной провинции монгольских центральноазиатских степей, составляя с ними неразрывное целое (Решиков, 1959. С. 9—10). Селенгинское же среднегорье представляет собой один из трех субмеридио-

нальных коридоров, по которым экосистемы и ландшафтные композиции центральноазиатского типа прорываются далеко на север в глубь гор Южной Сибири. Этот коридор получил название южнобурятского. Два других составляют тувинский (до предгорий Западного Саяна) и алтайский (Чуйская котловина, плато Укок) створы. Эти коридоры представляют собой своеобразные «апендиксы» Центральной Азии в горах и долинах Южной Сибири. Они характеризуются всеми присущими элементами степных экосистем Центральной Азии (Намзалов, 1998. С. 283; 1996). Такая же ситуация имеет место и в Юго-Восточном Забайкалье, где сухие степи Восточной Монголии вклиниваются на север по долинам Онона и Аргуни (Типы местности ... Читинской области, 1961. С. 41).

В свою очередь таежные массивы восточносибирского типа по горным хребтам Хэнтэй-Чикойского нагорья и Хангая уходят в глубь Монголии. Поэтому по всей территории Южного Забайкалья и Северной Монголии можно наблюдать причудливую мозаичность ландшафтов восточносибирской тайги и центральноазиатских степей. Здесь в пределах достаточно ограниченных районов наблюдается очень сложная и мозаичная картина размещения горных и равнинных участков, природно-территориальных комплексов горной тайги, лесов, степей разных типов.

Вследствие природной специфики Южного Забайкалья и Северной Монголии здесь в эпоху бронзы и раннего железа жили по соседству представители разных этнокультурных областей: скотоводы-кочевники степей и охотники-рыболовы тайги. Широкая открытость Забайкалья по степным коридорам на юг в сторону Центральной Азии сделала его легкодоступным для миграций древних скотоводов из разных районов Центральной Азии — Монголии, Саяно-Алтайского нагорья и Северного Китая. По этой причине археологические памятники Южного Забайкалья и прилегающих районов Монголии содержат в себе материалы, имеющие ключевое значение для понимания хода и характера этнокультурных процессов в различные исторические эпохи на обширных пространствах этой части Азиатского материка.

В эпоху бронзы в Центральной Азии сложились две большие культурно-исторические общности, оставившие плиточные могилы в восточной части региона и херексуры в западной части. Культура плиточных могил получила подробную характеристику благодаря исследованиям нескольких поколений отечественных и монгольских археологов (Сосновский, 1941; Киселев, 1954; Окладников, 1954; Диков, 1958; Волков 1967; Наваан, 1975; Гришин 1981; Цыбиктаров, 1998). Монголоидный антропологический тип и материальная культура населения этой культуры своим происхождением были связаны с населением предшествующего времени неолита и энеолита Забайкалья и Восточной Монголии (Дебеч, 1952; Гохман, 1958, 1967, 1980; Тумэн, 1985; Алексеев и др., 1987; Наваан, 1975; Гришин, 1981; Цыбиктаров, 1998).

Вопросы о времени сложения и исторической судьбы этой культуры относятся к числу наименее разработанных и потому дискуссионных. Время ее формирования разными исследователями определяется от раннебронзового времени (Д. Наваан, 1975. С. 149; Асеев, 1985) до конца карасукской эпохи (Диков, 1958. С. 56, 57; Волков, С. 43—44). А.П. Окладников предполагал, что ее возникновение могло произойти в середине II тыс. до н.э. (Окладников, 1959, С. 126; Окладников, Запорожская, 1970. С. 87—88, 167). Ю. С. Гришин считает, что на протяжении второй половины II тыс. до н.э. устанавливались «особенности, свойственные плиточным могилам» (Гришин, 1981. С. 194). Выделенный мной ранний чулутский этап развития культуры плиточных могил был датирован XIII—VIII вв. до н.э. (Цыбиктаров, 1998. С. 115—119). Но в это время культура плиточных могил существовала уже в сложившемся виде. Следует полагать, что процесс ее формирования произошел несколько раньше, в период развитой бронзы. Но когда именно, пока судить трудно. Но не исключено, что сложение культуры могло произойти в середине или третьей четверти

II тыс. до н.э. К этому склоняют и некоторые общие данные о процессе развития палеоэкономики древнего населения степного и лесостепного Забайкалья в эпоху бронзы. Они с определенной долей вероятности позволяют предполагать, что утверждение скотоводства в качестве ведущей отрасли хозяйства произошло скорее всего в середине II тыс. до н.э. (Цыбиктаров, 1999. С. 95—97, 101—102). А культура плиточных могил, судя по особенностям погребального обряда, была культурой прежде всего скотоводческого населения (Цыбиктаров, 1999). Поэтому предпочтительней предполагать, что ее формирование произошло в докарасукское время, в период развитой бронзы. Но, к сожалению, у нас пока нет надежных данных для аргументированного обоснования такого предположения. В связи с этим, по-видимому, стоит вернуться к подробному, обстоятельному анализу немногочисленных плиточных могил.

Если согласиться с предположением о сложении культуры плиточных могил в середине II тыс. до н.э., то можно сделать вывод о том, что этнокультурную ситуацию на протяжении огромного периода времени вплоть до середины I тыс. до н.э. в степной и лесостепной зонах восточной части Центральной Азии в пределах Монголии и Южного Забайкалья определяло население именно этой культуры. По своей экономической основе оно было скотоводческим. Скот в течение всего года содержался на подножном корму. В стаде преобладали лошади и овцы. Крупный рогатый скот разводили в меньшем количестве. Об этом свидетельствует присутствие костей лошади, крупного животного в 54 % могил, овец — в 35,8 %, могил коров с быками — в 16,6 % могил. Кости диких животных встречены всего в 4,8 % могил (Цыбиктаров, 1998. С. 49; Диков, 1958. С. 58—61). Эти данные говорят о незначительной роли охоты в хозяйстве плиточников и преимущественном разведении лошадей, обладающих свойством тебеневки, и овец. Высокого уровня развития у населения культуры плиточных могил достигло бронзолитейное производство (Диков, 1958. С. 56—57; Волков, 1967. С. 29; Членова, 1992. С. 253; Гришин, 1981. С. 145—155; Сергеева, 1981. С. 27—37; Цыбиктаров, 1998. С. 149). Общественный строй населения культуры плиточных могил характеризовался разложением родового строя (Окладников, 1954. С. 359; Диков, 1958. С. 62; Гришин, 1981. С. 197; Членова, 1992. С. 253—254).

Однако население культуры плиточных могил не определяло в полной мере этнокультурную ситуацию на севере Центральной Азии. Оно занимало экологическую нишу, представленную степными и лесостепными ландшафтами. Они, как известно, в Южном Забайкалье носят «островной характер», а значительные участки степей встречаются только по долинам крупных рек и их притоков.

Археологические памятники и культура населения таежной части Южного Забайкалья и Монголии стали известны сравнительно недавно, с конца 60—70-х годов благодаря исследованиям М. В. Константинова и его учеников в горно-таежных районах среднего течения р. Чикой, правого притока Селенги на границе с Монголией. Район получил условное название Чикойско-Мензенской провинции.

Эпоха «ранней» бронзы Чикойско-Мензенской провинции, датированная XVIII—VIII вв. до н.э., представлена тремя культурными горизонтами поселения Усть-Менза 1, по одному горизонту Усть-Мензы 2, 3, Студеного, Нижней Еловки, пятью горизонтами Алтана, комплексом Егоркиной пещеры и несколькими погребениями из Усть-Мензы 3 и 5. Последующий период VIII — II вв. до н.э. называется поздней бронзой (Семина, 1983; 1984. С. 129; 1986. С. 7). Обращает на себя внимание сильно растянутое во времени определение хронологических границ эпохи ранней бронзы. По периодизации бронзового века степных районов в их рамки входят три больших периода ранней, развитой и поздней бронзы.

Познакомившись с материалами раскопок и рукописью диссертации Л.В. Семиной в лаборатории археологии, палеоэкологии ЧГПУ (г. Чита), за

что приносим глубокую благодарность М. В. Константинову и Л. В. Семиной, отметим, что при современном состоянии источниковой базы можно согласиться с общей характеристикой археологии эпохи бронзы в предложенном виде. Но было бы желательно оговорить причины столь растянутой датировки бронзового века Чикойско-Мензенской провинции и обосновать выделение периодов в такой трактовке. В коллекциях же памятников «ранней бронзы» Чикойско-Мензенской провинции в металлическом инвентаре хорошо просматриваются типологические особенности изделий времени как ранней, так и развитой и поздней бронзы. Как справедливо отметила Л. В. Семина, два пластинчатых наконечника стрелы треугольной формы из Кристинкиной пещеры, изготовленные методомковки, поразительно напоминают свои каменные прототипы. Методомковки были изготовлены и два фрагмента ножей из этой же пещеры (Семина 1983. С. 67; 1986, Архив. С. 153). Этими особенностями перечисленные находки близки к изделиям эпохи энеолита и ранней бронзы. Наряду с ними в коллекциях Усть-Мензы 1 (горизонт 2д), Студеного (горизонт 1б) имеются фрагмент литейной формы, полушарная бляшка-пуговица с петелькой на обороте, фигурная нашивная бляшка карасукского типа с петелькой на обороте. Оба последних изделия отлиты в двустворчатых формах (Семина, 1983. С. 67; 1986, Архив. С. 153, колл. ЧГПУ). Такие изделия характерны для эпохи развитой и более всего поздней бронзы. Поэтому с нашей точки зрения слои 2д Усть-Мензы 1 и слой 1б Студеного датируются, вероятно, карасукским временем (XII—VIII вв. до н.э.) в рамках «ранней бронзы» Чикойско-Мензенской провинции.

По материалам вышеперечисленных памятников для культуры населения горнотаежных районов Южного Забайкалья и, надо полагать, связанных с ними таежных районов Центрального и Южного Хэнтэя в Северной Монголии, были характерны следующие особенности. В технике расщепления и приемах вторичной обработки камня, наборе орудий сохраняются все достижения неолитической эпохи. Нуклеусы ранней бронзы в сравнении с поздненеолитическими типологически даже более разнообразны. Появляются новые типы пластинчатых изделий в виде наконечников стрел с боковой выемкой. Краевая обработка демонстрирует большее число вариантов. Шире практикуется бифасиальное оформление орудий. Вместе с тем имеют место и изменения, обусловленные вступлением в новую палеометаллическую эпоху. Падает количество изделий на пластинах, хотя по-прежнему ведущая роль остается за ними, и соответственно увеличивается количество орудий на отщепах. Увеличивается процент крупных инструментов, пестов, молотков, отбойников, чопперов, часть которых была связана, видимо, с бронзолитейным производством (Константинов, Семина, 1980. С. 98—102; Константинов и др., 1986. С. 62; Семина, 1984. С. 129—130; 1986. С. 10—11; Семина, Пинскер, 1986. С. 64; Сухопорова и др., 1990. С. 189).

В производстве глиняной посуды по сравнению с неолитом улучшается качество формовочного теста и обжига, производившегося, возможно, в специальных ямах-печах. Основным способом изготовления сосудов оставалась техника выколачивания колотушкой, обмотанной нитями. Но проявляется стремление к заглаживанию и легкому лощению поверхности сосудов. Входит в употребление плоскодонная посуда, хотя по-прежнему используются сосуды с округлым и приостренным дном. Венчики стали слегка отгибаться наружу, обозначая зону шейки. Используется овальное оформление среза венчика или дополнение карнизиками. Более разнообразной и богатой становится орнаментация. Она покрывает зону венчика и тулова, а иногда и доньшко. Украшается внутренняя сторона венчика и его торец. Орнаментальные пояса располагаются в линию, чередуясь со свободными пространствами, или под углом друг к другу. Орнамент наносится в накольчатой, отступающей, прочерченной технике. Используются лопаточки с разными конфигурациями рабочего конца, гребенчатые

штампы. При орнаментировании сосудов иногда используется несколько видов штампа. Встречаются фрагменты плоских керамических плиток подпрямоугольной формы с заovalенными концами длиной 15—20 см (Семина, 1985. С. 113—119; 1986. С. 11; Семина, Пинскер, 1986. С. 64; Гребенщикова, Семина, 1990).

Культурные горизонты ранней бронзы содержали материалы, указывающие на существование добычи руд, выплавки металлов и изготовления из них изделий, т. е. очага бронзолитейного производства, основанного на эксплуатации местной сырьевой базы. На поселении Алтан найден кусок окисленной медной руды (малахит). На Студеном 1 и Усть-Мензе 2 выявлены кусочки шлака и капельки бронзы. С Усть-Мензы 1 происходит фрагмент литейной формы для отливки орудий типа шильев. Там же была расчищена яма глубиной до 1,5 м, предназначенная для обжига древесного угля. Не раз встречались абразивные инструменты, которые могли употребляться для заточки металлических изделий. Эти находки, бесспорно, свидетельствуют о наличии местного металлургического очага (Константинов, Семина, 1980. С. 98; Семина, 1984. С. 130; 1986. С. 10, 13; 1986, Архив. С. 154; Семина, Пинскер, 1986. С. 64; Семина, Грешилова, 1988. С. 119—120; Константинов, Князева, 1986. С. 67; Базарова и др., 1987. С. 177; Сухопарова и др., 1990. С. 188—189). Однако среди редких металлических изделий не оказалось ни одного, изготовленного из чистой меди. Даже кованые пластинчатые наконечники стрел из Кристинкиной пещеры были изготовлены из оловянистой бронзы. Содержание олова в бронзе доходит до 8 % (Семина, Филатова, 1982. С. 77; Семина, Грешилова, 1988. С. 119). Это указывает, возможно, на то, что первые навыки металлургического производства обитателями Чикойско-Мензенской провинции были получены от соседей-степняков, как и некоторые изделия, например, фигурная бляшка карасукского типа. В целом, как справедливо отмечают Л.В. Семина и ее коллеги, металлические орудия лишь в незначительной степени потеснили камень, который по-прежнему играл ведущую роль в сфере производства в рассматриваемое время (Семина, 1986. С. 10; Константинов, Семина, 1980. С. 102, 104; Сухопарова и др., 1990. С. 189).

По культурно-хозяйственному типу обитатели Хэнтэй-Чикойского нагорья раннебронзового времени являлись охотниками, рыболовами и собирателями. Объектами охотничьего промысла и рыбной ловли служили представители богатейшей фауны горной тайги, рек и озер. Таежные пространства и прибрежные угодья изобиловали съедобными дикоросами. По сравнению с неолитом увеличивается толщина культурных слоев на поселениях, более сложной становится планировка памятников. Наряду с жилищами легкого переносного типа, наподобие шалашей и чумов, на Нижней Еловке выявлены две полуземлянки. Это свидетельствует о более длительном оседании на одном месте лесного населения горнотаежных районов в эпоху ранней бронзы (Семина, 1984. С. 130; 1986. С. 12; 1986, Архив. С. 156).

О погребальном обряде лесных жителей Хэнтэй-Чикойского нагорья можно судить по материалам нескольких погребений. Одно из них было выявлено при раскопках поселения Усть-Менза 5. Под однорядной неплотной каменной выкладкой овальной формы размерами 1,7×2,45 м находилось могильное пятно размерами 1,1×0,64 м, глубиной 1,05 м. Костяк женщины монголоидного типа лежал на левом боку в скорченном положении с сильно подогнутыми, почти перпендикулярно к позвоночнику, коленями, головой на восток. Яма густо посыпана красной охрой. Инвентарь отсутствовал (Родникова, Селин, 1986. С. 74, рис. 8). Еще два захоронения были обнаружены на поселении Усть-Менза 3. Одно из них представляло собой вторичное погребение лицевой части черепа, берцовых и некоторых других костей в неглубокой яме размерами 1,2×0,8 м, засыпанной охрой. Другое было обозначено кольцевой кладкой диаметром 5 м, состоящей из небольших камней. В центре находилось пятно овальной формы размерами 1,2×0,8 м, ориентированное по линии С — Ю. От

костьяка сохранились только трубчатые кости. В заполнении найден обломок шлифованного ножа (Базарова и др., 1986. С. 69). Как видно из описания, находки в могилах практически отсутствовали. Датировка ранним бронзовым веком была осуществлена на основании стратиграфической привязки залегания кладок в подпочвенных горизонтах, связанных со временем ранней бронзы Чикойско-Мензенской провинции (Родникова, Селин, 1986. С. 74; Базарова и др., 1986. С. 69). Как и в материалах поселений обращает на себя внимание наличие в погребальном обряде населения раннебронзового времени Хэнтэй-Чикойского нагорья типично неолитических черт — невыразительный инвентарь, обильное использование охры, сильно скорченное положение костьяка. Но вместе с тем появляются и новые черты: каменные надмогильные выкладки, сравнительно большие размеры могильных ям.

Таким образом, лесное население горнотаежных районов Южного Забайкалья в эпоху бронзы, несмотря на вхождение в обиход изделий из металла и зарождение местного очага бронзовой металлургии, сохраняло во многом неолитический уклад жизни. Оно по-прежнему использовало преимущественно каменные орудия труда, занималось присваивающим хозяйством и вело относительно подвижный образ жизни, чередуя его, вероятно, с остановками в некоторых местах на длительное время в зависимости от обилия промысловых угодий.

При сравнении культурных комплексов степного скотоводческого населения культуры плиточных могил и таежного охотничье-рыболовческого населения Южного Забайкалья наряду с четко выраженными различиями прослеживаются и некоторые общие черты. Различия фиксируются прежде всего в погребальном обряде. Плиточники бронзового века практически не имели ничего общего с погребальной обрядностью предшествующего неолитического времени. В период развития неолита степное население Южного Забайкалья делало лишь самые первые шаги в направлении освоения производящего хозяйства, а к эпохе поздней бронзы был пройден не только этап утверждения производящего хозяйства, но и уже произошла специализация на скотоводческую отрасль. В результате уровень экономического развития общества был совершенно иным по сравнению с неолитом. По этой причине в погребальном обряде плиточников уже не было ничего общего с неолитической обрядностью. Охотники и рыболовы, напротив, сохраняли достаточно много черт, уходящих своими истоками в неолитическую эпоху: положение костьяка в могиле, использование охры, невыразительный инвентарь. Такая ситуация объясняется, безусловно, значительной схожестью образа жизни, хозяйственных занятий и, в конечном итоге, верований и мировоззрения обитателей тайги неолитического и бронзового времени. Но культура таежного населения вместе с тем не могла законсервироваться и не подвергаться изменениям. Поэтому появляются и отмеченные новации.

В сфере материальной культуры сравнение проводить следует более осторожно. Дело в том, что комплекс материальной культуры плиточников нам известен по погребальным памятникам, а у таежного населения — по поселенческим, погребений же известно всего несколько. Но тем не менее обращает на себя внимание почти полное отсутствие орудий из камня у плиточников — в 4,8 % погребений (Цыбыктаров, 1998. С. 71), и, наоборот, почти абсолютное преобладание каменного инструментария на памятниках таежного населения. Редкие поселения культуры плиточных могил подтверждают такое наблюдение.

С другой стороны, наблюдается и некоторая близость в материалах степного и таежного населения Южного Забайкалья. Особенно важно отметить это в керамике. Она прослеживается в технике изготовления сосудов методом выколачивания, в их формах, в некоторых приемах нанесения и композиционном построении орнамента на поверхности глиняной посуды. Однако в целом керамический ансамбль лесного населения обнаруживает значительное сходство с

керамикой неолита, в то время как плиточная керамика сохраняет такие черты в минимальном количестве. Некоторая близость керамики объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, общей древней подосновой, уходящей в неолитическую эпоху, во-вторых, непрекращающимися культурными, хозяйственными и, вероятно, этническими связями (Цыбиктаров, 1999. С. 73—76). Исследователи чикойско-мензенских поселений отмечали появление бронзолитейного производства у лесного населения под влиянием степняков-плиточников. Следует добавить, что в керамических коллекциях лесного населения из «раннебронзовых слоев» имеются фрагменты плиточной гладкостенной керамики, украшенной валиками (см. коллекции в лаборатории ЧГПУ). Эти данные свидетельствуют о непосредственных прямых контактах степного и таежного населения Южного Забайкалья, проживавшего на территории края.

В результате в Южном Забайкалье во второй половине II тыс. до н. э. этнокультурная ситуация характеризовалась существованием двух древних этнических общностей. Одну представляли скотоводы культуры плиточных могил, а другую — охотники и рыболовы культуры населения, оставившего памятники в Чикойско-Мензенской провинции на границе с Монголией на севере Хэнтэй-Чикойского нагорья. Сложение этих этнических общностей во многом было обусловлено воздействием природно-географического фактора. Плиточники занимали экологическую нишу, представленную степными и лесостепными ландшафтами края, а охотничье-рыболовецкое население жило в горнотаежных районах, окружавших со всех сторон участки степей и лесостепей. Вследствие специфических ландшафтных особенностей Южного Забайкалья четкого территориального разграничения в расселении этих общностей не существовало. Они сообразно направленности своей хозяйственной деятельности занимали соответствующие экологические ниши и расселились по территории края весьма мозаично, постоянно перемежаясь друг с другом, примерно так же, как это было еще в недавнем прошлом в расселении бурят и эвенков в южных районах Забайкалья в XIX — начале XX в.

Южное Забайкалье по долине Селенги, образующейся от слияния Идэра, истоки которого находятся на западе Хангайского хребта, и Дэлгэр-Мурэна, чьи истоки располагаются в хребте Улан-Тайга на границе с Тувой, широко открыто в просторы Центральной и Западной Монголии. Из западных районов Монголии в конце II тыс. до н.э. в степные и лесостепные районы Западного Забайкалья и Северной Монголии происходит мощное вторжение европеоидного населения культуры херексуров и оленных камней. Население этой культуры, ведя одноступенное с плиточниками хозяйство, заняло практически ту же территорию, которая была освоена плиточниками (Цыбиктаров, 1998. С. 137, 142, рис. 2; 1999 а. С. 69; см. Лбова, Хамзина, 1999, рис. 10, 11). Вследствие принадлежности населения обеих культур к одному и тому же хозяйственно-культурному типу начальный период вторжения характеризовался открыто враждебными отношениями, многочисленными военными столкновениями. Вероятно, значительная часть херексуров и плиточных могил была осквернена именно в это время. Нет ни одного могильника из плиточных могил или херексуров, который бы остался целым. По нашим подсчетам, более 30 % общего количества оленных камней населения культуры херексуров на территории Монголии и Забайкалья были вывернуты плиточниками с мест их установки на жертвенниках и использованы при строительстве плиточных могил (Цыбиктаров, 2000. С. 98). В свою очередь и население культуры херексуров оскверняло плиточные могилы и точно так же кладками своих сооружений перекрывало плиточные могилы. На памятнике Тэмэ-хад II в полевом сезоне 2000 г. впервые был зафиксирован такой случай.

Однако затем постепенно откровенно враждебные отношения сменились отношениями сосуществования. Они нашли отражение в ситуации стратигра-

фического соотношения кладок херексуров и плиточных могил на могильнике Улзыт VI в долине р. Чикой. Здесь кладки двух плиточных могил также наложались на круглую ограду херексура. Но как сам херексур, так и плиточные могилы были хорошей сохранности, без следов разрушения кладок. А на могильнике Улзыт III человек монголоидного типа, практически не отличающийся в антропологическом отношении от плиточников, был похоронен в херексуре по обряду захоронения саяно-алтайского населения. Со временем постепенно население культуры херексуров в Южном Забайкалье, в Восточной и отчасти Центральной Монголии было, вероятно, ассимилировано плиточниками. Об этом говорит отсутствие среди херексуров, раскопанных на территории Южного Забайкалья и Северной Монголии, таких, которые содержали бы материалы скифского времени. Таким образом, в конце бронзового века было положено начало формированию центральноазиатской расы внутриконтинентальных монголоидов (Цыбиктаров, 1999 а. С. 67—75; 1999, б; 2000. С. 99—102).

В результате кратко описанных выше событий этнокультурная ситуация в конце бронзового века в Южном Забайкалье значительно осложнилась. В течение определенного времени здесь взаимодействовали уже три этнические общности, представленные автохтонным населением культуры плиточных могил и обитателями горнотаежных районов края и пришлой культуры херексуров и оленных камней. При этом в силу проживания в одной и той же экологической нише плиточники и носители культуры херексуров взаимодействовали между собой весьма активно, а контакты между ними и таежными жителями, как и ранее между первыми и последними, происходили, вероятно, эпизодически по мере необходимости. В результате в палеосибирский антропологический тип плиточников вливается определенная доля европеоидной примеси, которая внесла свой вклад в процесс формирования центральноазиатской расы, а антропологический тип таежного населения остался, вероятно, без особых изменений в силу эпизодичности контактов. Об этом свидетельствуют некоторые сведения общего характера с контактной территории всех этих трех групп населения, относящиеся к гораздо более позднему времени. Антропологические материалы последующего времени указывают на то, что процесс формирования основных особенностей центральноазиатской расы завершился в хуннское время. На протяжении средневековой эпохи кардинальных существенных изменений в расовом типе населения Монголии уже не произошло (Тумэн, 1985. С. 16—17; 1992. С. 58—59). Антропологический же тип лесного населения остался, по-видимому, прежним. Общеизвестно, что как в недавнем этнографическом прошлом, так и в настоящее время тунгусское эвенкийское население таежных районов Забайкалья характеризуется особенностями так называемой байкальской расы, которая в отличие от центральноазиатской расы континентальных монголоидов не содержит в себе европеоидной примеси.

Итак, особенности природы Южного Забайкалья, связанные с ландшафтной ситуацией в крае в виде мозаичного размещения по его территории степных и таежных участков, оказывали существенное влияние на ход и характер культурно-исторических и этнокультурных процессов в древности, в том числе в эпоху бронзы и раннего железа. В прямой зависимости от них в эпоху бронзы здесь сложились две большие древние этнические общности местного автохтонного населения культуры плиточных могил в степных районах и культуры таежного охотничье-рыболовческого населения на Хэнтэй-Чикойском нагорье. Истоки этого явления уходят в предшествующую неолитическую эпоху. Наиболее четко оно нашло свое отражение в памятниках Восточного Забайкалья, где выделены лесная доронинская и степная ононская культуры (Кириллов, 1979; 1981). Широкая открытость Южного Забайкалья по просторной долине Селенги в степи Центральной и Западной Монголии привела к миграции сюда в эпоху поздней бронзы европеоидного населения культуры херексуров и оленных камней. В Хэнтэй-Чикойском нагорье на границе Монголии и Забайкалья рядом с

ними жили охотники и рыболовы восточносибирской тайги. Этнические контакты носителей культуры херексуров с монголоидным населением культуры плиточных могил положили начало процессу формирования центральноазиатской расы континентальных монголоидов. Антропологический же тип древнего таежного населения Хэнтэй-Чикойского нагорья вследствие ограниченности этнических контактов со степным населением сохранил свои особенности вплоть до этнографической современности (байкальский тип эвенков Забайкалья).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 208—241.
- Асеев И.В. К вопросу о датировке могил типа четырехугольных оградок // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 34—40.
- Базарова Л.Д., Васильев С.Г., Конохов А.Ю. Усть-Менза 3: проблемы стратиграфии и поиск палеокультуры // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. конф. Ч. 2. Улан-Удэ, 1986. С. 68—69.
- Базарова Л.Д., Семина Л.В., Сурин Ю.П. Алтан — многослойный памятник позднего антропогена Забайкалья // Природная среда и древний человек в позднем антропогене. Улан-Удэ, 1987. С. 167—179.
- Волков В.В., 1967. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор, 1967.
- Гохман И.И. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья // Сборник МАЭ. М.; Л. 1958. Т. 18. С. 428—443.
- Гохман И.И. К вопросу об антропологических особенностях древних скотоводов Забайкалья // СЭ. 1967. № 6. С. 95—99.
- Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сборник МАЭ. Л.; 1980. Т. 36. С. 5—34.
- Гребенщикова О.И., Семина Л.В. Динамика развития керамического декора в неолите-палеометалле Юго-Западного Забайкалья // Палеоэтнология Сибири. Тез. докл. XXX РАЭСК. Иркутск, 1990. С. 187—188.
- Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М., 1981.
- Дебец Г.Ф. Череп человека из плиточной могилы в Херексурин-Ури (Забайкалье) // Записки БМИК. Т. 16. Улан-Удэ, 1952. С. 63—67.
- Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958.
- Кириллов И.И., 1979. Восточное Забайкалье в древности и средневековье: Учеб. пособие. Иркутск, 1979.
- Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности: Автореф. дис.... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1981.
- Киселев С.В., 1954. Эпоха производства орудий из бронзы // История Монгольской Народной Республики. М., 1954. С. 46—51.
- Константинов А.В., Князева И.И. Усть-Менза 2: возраст и характер культурных горизонтов // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. конф. Ч. 2. Улан-Удэ, 1986. С. 65—67.
- Константинов М.В., Семина Л.В. Таежные племена на восточной окраине скифо-сибирского мира // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 96—104.
- Константинов М.В., Семина Л.В., Константинов А.В. Археологические исследования в Западном Забайкалье: достижения и проблемы // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. конф. Ч. 2. Улан-Удэ, 1986. С. 58—62.
- Лбова Л.В., Гречишев Э.Р. К проблеме поселений эпохи металла степной зоны Западного Забайкалья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995. С. 7—17.
- Лбова Л.В., Хамзина Е.А. Древности Бурятии: Карта археологических памятников. Улан-Удэ, 1999.
- Мурзаев Э.М. Монгольская Народная Республика: Физико-географический очерк. Изд. 2, доп. М., 1952.
- Наваан Д. Дорнод Монголийн хурлийн үе. Улаанбаатар, 1975.
- Намзалов Б.Б. Горная лесостепь Южной Сибири — ландшафтный феномен Центральной Азии // Флора и растительность Сибири и Дальнего Востока: Чтения памяти Л.Н. Черепнина: Тез. докл. Второй Российской конф. Красноярск, 1996. С. 215—217.
- Намзалов Б.Б. О некоторых важнейших экотонах центральноазиатских степей в горах Южной Сибири // Проблемы ботаники на рубеже XX—XXI веков: Тез. докл. II (X) съезда Русского ботанического общества. СПб., 1998. Т. 1. С. 283—284.
- Окладников А.П. Олений камень с р. Иволги // История и культура Бурятии. Улан-Удэ, 1976. С. 343—360.
- Окладников А.П. Триподы за Байкалом // СА. 1959. № 3. С. 114—132.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1969.

- Там же. 1970. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2.
- Предбайкалье и Забайкалье: Природные условия и естественные ресурсы СССР. М., 1965.
- Преображенский В.С., Фадеева Н.В., Мухина Л.И., Томилов Г.М. Типы местности и природное районирование Бурятской АССР. М., 1959.
- Решиков М.А. Степи Западного Забайкалья // Тр. Вост.-Сиб. филиала СО АН СССР. М., Изд-во АН СССР, 1961. Вып. 34.
- Родникова Е.А., Селин В.В. Усть-Менза 5: погребение бронзового века // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. конф. Ч. 2. 1986. С. 74—75.
- Семина Л.В., Филатова Т.И. Исследования Кристинкиной пещеры // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. регион. конф. Иркутск, 1982. С. 76—78.
- Семина Л.В. Кристинкина пещера — памятник раннего металла Южного Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск, 1983. С. 61—70.
- Семина Л.В. Исследования эпохи неолита и бронзы в Юго-Западном Забайкалье // Проблемы исследования каменного века Евразии: Тез. докл. краевой конф. Красноярск, 1984. С. 127—131.
- Семина Л.В. Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985. С. 104—122.
- Семина Л.В. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Л., 1986.
- Семина Л.В. Архив. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья. Дис.... канд. ист. наук. Рукопись. Л., 1986.
- Семина Л.В., Пинскер М.П., 1986. Усть-Менза I: от финального палеолита до поздней бронзы // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. конф. Ч. 2. Улан-Удэ, 1986. С. 62—65.
- Семина Л.В., Грешилова Г.И. Металл в жизни обитателей таежной зоны Забайкалья // Проблемы археологии Северной Евразии. Тез. докл. XXVIII РАЭСК. Чита, 1988. С. 119—120.
- Семина Л.В., Пинскер М.П., 1988. Памятники эпохи ранней бронзы Усть-Мензенского комплекса // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. Барнаул, 1988. С. 67—68.
- Сергеева Н.С. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск, 1981.
- Сосновский Г.П. Плиточные могилы Забайкалья // ТОИПК ГЭ. 1941. Т. I. С. 273—309.
- Сухопарова С.А., Непомнящий А.С., Семина Л.В. Металл и камень Чикойско-Мензенской тайги в эпоху ранней бронзы // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. XXX РАЭСК. Иркутск, 1990. С. 188—189.
- Типы местности ... Читинской области. Типы местности и природное районирование Читинской области. М, 1961.
- Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1985.
- Тумэн Д. Антропология современного населения МНР: Автореф. дис.... д-ра биол. наук. М., 1992.
- Филимонова А.В., Плысюк А.И., Константинов М.В. Археологические памятники Читинского Чикоя // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. к XXX РАЭСК, 29—31 марта 1990 г. Иркутск, 1990. С. 184—185.
- Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1989.
- Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998.
- Цыбиктаров А.Д. Бурятия в древности. Улан-Удэ, 1999.
- Цыбиктаров А.Д. Плиточные могилы и херексуры Южной Бурятии в свете изучения некоторых проблем бронзового века Центральной Азии // Палеоэкология человека Байкальской Азии. Улан-Удэ, 1999. С. 65—76.
- Цыбиктаров А.Д. Этнокультурные процессы в Южной Бурятии и Северной Монголии в эпоху поздней бронзы // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез: Тез. междунар. симпозиума. Улан-Удэ, 1999. С. 507—509.
- Цыбиктаров А.Д. Osteологические материалы как источники по изучению погребального обряда и хозяйства населения культуры плиточных могил Забайкалья // Молодая археология и этнология Сибири: Тез. XXXIX РАЭСК. Ч. 1. Чита, 1999. С. 154—156.
- Цыбиктаров А.Д. Оленные камни монголо-забайкальского типа как источники по изучению взаимоотношений древних скотоводов Центральной Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы междунар. науч. конф. Этнология. Улан-Удэ. Т. 1. С. 98—102.
- Членова Н.Л. Культура плиточных могил // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992. С. 247—354.

SUMMARY: «Two Ethnic Communities» — this is the title of the article written by Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of Buryat State University A. Tsybiktarov. The article deals with nature-geographical peculiarities of Southern Transbaikalie and specific character of cultural historical situation in this region during the Bronze Age and the Early Iron Period.